

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ К.Р.

В статье раскрываются мировоззренческие установки великого князя Константина Константиновича Романова (1858-1915), чье творчество до сих пор неизвестно большинству читателей. Уточняются его эстетические позиции в различных иерархически-соподчиненных сферах лирической системы: тематической, мотивно-образной, лексической. Выделяется единое организующее начало, восходящее к философско-религиозной семантике.

В наше время многие имена приходится открывать заново. В первую очередь это относится к тем, кто был неугоден советской власти и на долгие годы вычеркнут из истории. Одно из таких запрещенных имен – Константин Константинович Романов (1858-1915).

По своему происхождению он принадлежал к высшей российской аристократии. Сын великого князя Константина Николаевича, внук самодержца Николая I. Уже в 12 лет Константин Константинович находился в учебной команде Морского училища. В 1877 году девятнадцатилетним юношей участвовал в военных действиях на Дунае около Силистрии. К январю 1884 года великий князь совершил 13 плаваний.

В августе 1878 года он был направлен флигель-адъютантом в свиту императора. С января 1880 года по апрель 1891 года являлся командиром роты Его Величества Измайловского полка. В 1900 году стал главным начальником военно-учебных заведений России, а в 1910 году – генерал-инспектором военно-учебных заведений. Кроме того, великий князь состоял почетным членом, попечителем десятков обществ, комитетов, комиссий. Занимаемые посты и должности требовали предельной сосредоточенности, отнимали много сил. И все же Константин Константинович находил время для творческой деятельности.

За 35 лет (с 21 года) он создал более 200 оригинальных стихотворений, массу переводов, написал поэму «Севастиан-Мученик» и драму «Царь Иудейский». Его творения, подписанные криптонимом К.Р., неоднократно переиздавались.

Большинство рецензий на произведения великого князя носило политизированный характер. В его лице чествовали или обличали всю царскую фамилию. Приводились те или иные эпизоды из его жизни (Э.Е. Матонина [1], В.С. Соболев [2]), достаточно подробно освещалась переписка с современниками (Н.Н. Лавров [3], В. Дубровский [4]), но поэтическому творчеству К.Р. не уделялось должного внимания. Из обилия всевозможных публикаций и выступлений выделяются работы А.Б. Муратова [5], Л.И. Кузьминой [6], Т.В. Ковалевой [7]. В них содержится литературоведческий анализ ряда текстов поэта.

Между тем необходимо системное исследование наследия Константина Константиновича Романова, ведь оно представляет особый эстетический феномен. Приверженность к традиционным для «чистого искусства» жанрам, стилистическим приемам, сдержанность художественных средств сочетаются в его творчестве с тенденциями, характерными для последующих поэтических поколений. По общепринятому мнению, произведения К.Р. относятся к литературе «второго ряда»; тем не менее, он внес заметный вклад в развитие русской поэзии.

Если в 1860-1870-е годы в обществе преобладала установка на переделку мира, то к концу XIX века актуализировалась тема изменения (самоизменения) человека. В творчестве стали главенствовать экзистенциальные темы. Обостренный интерес к подсознанию, труды И. Канта, Д. Юма, Ч. Дарвина, К. Маркса, З. Фрейда и др. способствовали пересмотру рационалистической концепции отношения человека к окружающей действительности. Соответственно выделялся прежде всего трагический аспект существования, сложные, противоречивые отношения мира личности с действительностью. Для поэзии К.Р. был характерен общий тон тихой радости и умиротворения, мы еще определим обстоятельства, способствовавшие этому. Но и в лирике великого князя нередки минорные ноты: «*И душа, забывая стремленья, / Ничего не ждала впереди*» («Затишье» [1; 25]¹), «*Круг впечатлений, чувств так узок и так тесен, В душе холодная такая пустота*» («Затишье на море...» [1; 51]) и т. п.

Особую популярность в это время приобрело учение Ф. Ницше, совершившее настоящий переворот в самых широких кругах. На наш взгляд, «дионисийское» начало дает о себе знать и в нескольких произведениях К.Р. Так для героя стихотворения «Царь Саул» примечательно следующее откровение:

Томлюся я, гневом пылая, и стражду;
Недугом палимая мучится плоть,
И злоба в душе моей... Крови я жажду,
И тщетны усилия зло побороть [2; 12].

¹ Здесь и далее стихотворения К.Р. цитируются по изданию: К.Р. Сочинения в 2-х тт. Париж, 1965.

Ярость, сокрушительная воля к жизни, все то потаенное, эротически-животное, что содержится в герое, отсылает нас к рассуждениям Ницше о темной страсти материи, глубинах человеческой души.

Стихотворение «Говорят мне: «Собою владеть ты умей...» [1; 109] посвящено принцу Петру Александровичу Ольденбургскому и, скорее всего, выражает именно его мироощущение, поскольку коренным образом отличается от других произведений, написанных К.Р. Любовь в нем определяется как «*безумствие в страсти слепой*». Следовательно, речь идет о пробуждении иррациональных сил в человеке, оргиастического начала, о вакхическом упоении чувствами. Кроме того, в тексте отчетливо выявляется тезис Ницше об упразднении морали: герой «*губит*» своей любовью и знает об этом («*В этом бреде бессилен рассудок*»). Напрашивается параллель с принципами новой морали немецкого философа («по ту сторону добра и зла»). Весьма показателен финал стихотворения: «*Знать ли солнцу, что им с вышины голубой / Спалена красота забудок*». Данный образ, использованный в сравнении, близок к рассуждениям Ницше о «высшем человеке», который парит над чернью и свободен от запретов.

Подобные примеры единичны, не выражают мироощущения самого поэта. Повторим, произведение адресовано августейшей особе, что частично «оправдывает» властные ноты, звучащие в нем. Но насколько эти идеи должны были укорениться в общественном сознании, чтобы сам факт написания подобного стихотворения, пусть от лица «другого», оказался возможен?

Широкое распространение получила в России и философия Шопенгауэра. А.А. Фет, которого К.Р. считал своим учителем, перевел и издал главный труд мыслителя – «Мир как воля и представление». Неудивительно, что некоторые идеи этой работы нашли свое воплощение в творчестве великого князя. Поэт согласен, что в человеке главенствует бессознательный инстинкт, истоки которого скрыты. У К.Р. появляются строки, которые по степени «дематериализованности» скорее можно отнести к символизму:

Я засыпаю... Уж слабея и бледнея,
Сознанье еле властно надо мной...
За мной смыкаются действительности двери,
Я сплю, – и в царстве призраков и снов
Ты мне являешься, пленительная пери,
И звуки ласковых я слышу слов... [1; 42]

Или:

То лихорадочный был бред ума больного, –
Нет призраков. Уж смолкли голоса [1; 52].

В стихотворениях «Дверь распахнулась...», «Стучаясь, у двери твоей...», «Затишье на море...», «Смеркалось; мы в саду сидели...», «Умер», «В Крым», «Вечер в Египте» и др. у поэта наблюдается интерес к пограничным ситуациям. Тексты очень разные по теме, образности, тональности, но во всех них складывается ситуация перехода из одного состояния в другое, перемены.

Шопенгауэр призывает добровольно уйти от «драки жизни», отказаться от воли, погрузиться в философское созерцание. Он считает: в этом мире человека ждет лишь вечное страдание. Как точка зрения «другого» данная мысль присутствует в произведениях К.Р.: «*мир слез и тленья*» («На смерть графини М.А. Мойра» [1; 52]), «*утомительный жизненный путь*», «*грустная юдоль*» («Отдохни» [1; 67]). Для немецкого ученого на свете нет никакой объективной истины и справедливости, люди обречены на поражение. К.Р. оптимистичнее:

Когда меня волной холодной
Объемлет мира суета –
Звездой мне служит путеводной
Любовь и красота [1; 426].

Кроме того, поэт уверен в вечном блаженстве человека после смерти, «*где ждет... упокоенье от mnogой скорби и труда*» («На смерть графини М.А. Мойра» [1; 52]).

От большинства современников великого князя отличает то, что Н.А. Бердяев называл «наивной ортодоксией» [8]. К.Р. воспитывался в атмосфере традиционного православия, вел переписку с архимандритом Исаакием и другими священнослужителями. Не раз в своем дневнике он признавался, что молитва «замечательно помогала» ему, «укрепляла» его [9]. Церковные обряды не были для поэта простой формальностью. Показательна следующая цитата: «Я внутренне волновался, моего ребенка ожидало три первых таинства: крещение, миропомазание и причащение, и я за него переживал торжественность этих минут» [10]. Сакраментально-литургический элемент делал мировосприятие К.Р. истинно церковным.

Для великого князя практически не существовало проблемы теодицеи. Издревле люди пытались примирить существование зла в мире с «благодатью, премудростью, всемогуществом и правосудием его Творца». Одни прибегали к антропоморфизму, другие критиковали Бога. К.Р. отказался от этой непосильной, как он считал, задачи. По его мнению, так же, как неприменимы к Творцу атрибуты времени, пространства, сознания, несовершенны и человекоподобные атрибуты премудрости, благодати, правосудия.

дия, силы. Это лишь несовершенные подобию того, что содержится в существе Божиим и служит в нем источником их существования в мире.

В противовес экзистенциалистскому христианское мироотношение включает в себя мироприятие, доверие к онтологическим основам. По убеждению К.Р., первоосновное в мире все-таки добро. Вслед за Августином Блаженным он видит корень зла не в материи. Материя, будучи творением Бога, является благой. Сравним эту мысль с призывом Иоанна Златоуста «удивляясь созданиям, поклоняться их Создателю, прославлять Бога и изумляться неизреченной любви, какую Он показал роду человеческому, сотворив все это не для чего иного, как только для человека» [11].

Зло является следствием человеческого злоупотребления свободной волей, заключается в самом акте отворачивания от Бога, а не в том, к чему именно человек обратился. Подтвердим это строками из стихотворения К.Р.: «*Виновники скорби своей, творите вы злое, / Множа печаль на земле неправдой своей*» («О, люди, вы часто меня язвили так больно...» [1; 121]). Люди сами виноваты в своих бедах, они по своей воле отказываются от праведной жизни и отворачиваются от Бога. «*В нас образ Божий затмевают / Зло дел, ложь мыслей и речей...*» – вновь речь ведется не о пороках плоти, не об искушениях дьявола, а о реальных поступках и мыслях человека.

Закономерно особое внимание великого князя к волевому аспекту. Истинная вера, считает он, – особое состояние, при котором все многообразие духовных и душевных сил сознательно объединяется в живую и стройную цельность. Сохранить несотворенную Божественную искру, которую несет в себе человек, помогает «*неутомимая борьба*» «с самим собой» («Блаженны мы, когда идем...» [1; 162]). В отзыве на стихотворения княгини М. Трубецкой К.Р. размышляет: «...не состоит ли вся наша жизнь из вечной борьбы и вечного стремления к далекой мечте?» [12] Это положение является важнейшим для определения особенностей мировосприятия поэта. В дневнике великого князя читаем: «Жизнь моя течет счастливо, я поистине баловень судьбы, меня любят, уважают и ценят, мне во всем везет и все удается, но <...> нет главного: душевного мира... Я точно флюгер: бывает, принимаю твердое намерение, усердно молюсь, простаиваю целую обедню в жаркой молитве и тотчас же затем, при появлении грешной мысли, все сразу забывается, и я опять попадаю во власть греха» [13]. Те же мысли содержатся в стихотворениях:

...в этой жизненной юдоли
Среди порока, зла и лжи
Борьбою счастье заслужи!

(«Письмо [1; 11]);

см. также стихотворения «На Иматре», «Умолкли рыдания бури кипучей...», «Когда меня волной холодной...», «Ты победил, Галилеянин!», «Что корабль под всеми парусами...» и др. К.Р. уверен, что Бог – воплощение «*превечного долготерпенья*» («Легенда про Мертвое море» [2; 8]) и «*всепрощения*» («О, если б совесть уберечь...» [1; 164]), что его «*милость и любовь*» не имеют границ («Когда креста нести нет мочи...» [1; 145]). Творец дает человеку «сердце, разум и силу, чтобы успешно бороться».

Одним из критериев, определяющих ценность того или иного художественного произведения, для великого князя являлась бодрость духа писателя или поэта. В отзыве о сочинениях С.Д. Дрожжина К.Р. пишет: «Жизнерадостное настроение в авторе, о бесчисленных невзгодах которого мы <...> знаем, производит в высшей степени отрадное, светлое впечатление... Наш автор, отдаваясь поэзии, умеет забывать свои горести и возвышаться над прахом земным» [14]. По поводу стихотворений Вл. Жуковского он замечает: «Отраднo встретить в произведениях г. Жуковского трезвое и здоровое мирозерцание, полное жизнерадостности и чуждое напускной тоски, беспричинного нытья и мрачного лomanья, к которым так склонны некоторые современные писатели и стихотворцы» [15].

В стихотворениях самого К.Р. исследователи постоянно отмечали преобладание «жизнеутверждающего чувства» [16], «наивную радость» [17]. У христиан состояние, близкое к отчаянью, греховно, так как порождено колебаниями веры. Поэт признается: «Слава Богу, я никогда еще не впадал в полное уныние и никогда не падал духом» [18]. Идеал религиозности для него – «*твердая, слепая вера*» («Колыбельная песенка» [1; 79]). Столь же важно, по мнению великого князя, чувство смирения. Он убежден, что все в его жизни от Бога. Не только материальные ценности, общественное положение, но и добрые поступки зависят от помощи и благодати творца. Не случайно так часто встречаются в его записях фразы «отдаю судьбу в руки Божии», «верую в милость Божию» [19].

Религиозность К.Р. сочетается со склонностью к эстетизации действительности, более того, принципы «чистого искусства» поэт отстаивает с помощью Божественного Слова. Поскольку главным идеологом эстетического направления в России считался Ф. Шеллинг, сопоставим его учение с воззрениями К.Р. Огромные сословные преимущества обеспечили великому князю высочайший уровень образования, и осведомленность поэта в премудростях идеалистической философии не вызывает сомнений.

Анализ представляется необходимым еще и потому, что до сих пор труды Ф. Шеллинга часто трактуются достаточно прямолинейно, если не сказать упрощенно.

Философ считал искусство высшей формой познания. «Даже наука, которая по своему бескорыстию ближе всего к искусству, остается далеко позади только потому, что она всегда направлена на внешнюю цель и в конечном итоге должна служить лишь средством для наивысшего» [1; 480]. Искусству одному дана «абсолютная объективность», оно остается для нас единственным и вечным откровением, чудом, даже однократное свершение которого должно было бы нас уверить в абсолютной реальности высшего бытия» [1; 476]. К.Р. воодушевляют эстетические установки Ф. Шеллинга. Он называет поэзию «*божественным, бесценным*» даром («Я баловень судьбы... Уж с колыбели...» [1; 36]), считает, что художник «*облечен*» «*свыше*» «*тайною силой*» («Рафаэль Санцио» [1; 58]). Оговорим это замечание: главный источник знания о Боге для великого князя все-таки Слово Божие.

В полемике между «эстетам» и «социологами» одним из главных козырей приверженцев гражданской, реалистической поэзии был тезис об отстранении первых от жизненной правды. Д.Н. Овсяннико-Куликовский писал, что «чистое искусство» влечет в жизни, истории, искусстве лишь красивое или, по крайней мере, сильное и живописное» [20]. У Шеллинга есть достаточно категоричное высказывание: «Где нет красоты, нет произведения искусства» [1; 479]. Но понятие красоты для него чрезвычайно емко, несоизмеримо с обыденными представлениями. «Прекрасное всегда возвышенно, а возвышенное прекрасно», – утверждает философ [1; 479]. «Требовать от искусства... одного чувственного наслаждения – проявление чистого варварства» [1; 480].

В произведениях К.Р. красота никогда не вырождается в щегольство и гедонистическую прихоть, остается «*благообразием*». Она является существенной составной в поисках высшей реальности. Поэт считает, что главное действие красоты заключено в возбуждении мысли о **высшей** красоте, которую нам не дано увидеть. Очарование состоит не столько в изображаемых картинах, сколько в тех дальних отголосках, которые они будят в наблюдателе и которые идут из невидимого мира. Обратимся к конкретным примерам:

Не оттого ль меня так к озеру влечет,
Что отражается в струях его порою
Вся глубина небес нетленную красую...
Не оттого ль, что здесь, хоть и пленен землею,
К далеким небесам как будто ближе я?
(«У озера» [1; 118]),

«О, пусть нас уносит волшебной игрой / Туда, в те надзвездные дали...» («А.Г. Рубинштейну» [1; 125]), «Там, в неведомой сердцу дали / Расцветают красы и светлее, и чище / Милых ландышей бедной земли» («Ландыши» [1; 168]).

Шеллинг пишет: «Бесконечное, выраженное в конечном, есть красота» [1; 479]. Сопоставим это со словами А.А. Фета, признанного лидера эстетического направления в России: «Художнику дорога только одна сторона предметов: их красота, точно так же, как математику дороги их очертания или численность» [21]. У К.Р. красота может быть проявлением Божьей благодати, откровения, а может являться «посредницей» между Богом, природой и человеком. Стихотворения «Озеро светлое, озеро чистое...» [1; 85] и «У озера» [1; 118] написаны практически на одну тему, но если в первом лирический субъект наблюдает пейзаж и сопоставляет увиденное с «пейзажем» своей души (горестно отмечая различия), то во втором показана своеобразная цепочка, в которой озеро представляет собой, образно говоря, «медиатор» между «усталым сыном земли» и «далекими небесами».

Во взглядах на природу К.Р. более ортодоксален, нежели Шеллинг. По мнению философа, природа может породить из себя дух только в том случае, если она чревата духом, если в основе своей обладает свойствами духовности. В недрах естественного мира скрывается нечто, аналогичное художественному гению, но творит оно бессознательно. Наше мышление – это проявление природы в ее высшей потенции, которую она в себе несет и сохраняет. Следовательно, добро и зло одинаково оказываются атрибутами Божества: злу приписывается божественная природа. Нравственную систему на такой основе построить крайне сложно³.

Поэтому К.Р. не примыкает к пантеистам и продолжает придерживаться христианских взглядов, согласно которым природа как Божественное творение находится **вне Бога**. Зло для поэта, как уже было указано выше, – злоупотребление человека свободной волей; то есть корни порока заключены в самом творении. С дру-

² Труды Ф. Шеллинга цитируются по изданию: Шеллинг Ф.В.И. Сочинения в 2-х тт. М.: Мысль, 1987. Т. I. 530 с.; 1989. Т. II. 512 с.

³ Отметим, что поздние работы Шеллинга представляют собой философию откровения, в которой выше всего ставится непосредственное приобщение к Богу. К сожалению, этот этап творчества мыслителя практически не изучен в России.

гой стороны, природа и ценна по-своему, так как существование ей даровал все-таки Бог. Речь идет не об отделении от Творца, а скорее об особых отношениях с ним. Разность человека и природы в данном случае обнаруживается как разность явлений не трансцендентных, а имманентных по отношению друг к другу, лежащих в одном ряду. Это отличает К.Р. от Любомудров, от Тютчева и сближает его со Случевским и многими другими современниками. В стихотворении великого князя «Бывают светлые мгновенья...» лирический субъект стремится слиться «с цветком и птицею, и всей землей», чтобы «благословить» перед «Творцом миров» [1; 155].

Как бы отвергая тезис о тематической бедности произведений «чистого искусства», Шеллинг указывает, что «предпосылкой даже самой свободной поэзии, <...> тем не менее, служат реальные и повседневные события человеческой жизни» [1; 168] и что «бесконечное, хотя бы в отражении, всегда присутствует в художественном произведении» [1; 485]. В своем дневнике К.Р. пишет: «...по-моему, и академия права с древними идеалами, правы и реалисты, лишь бы в произведениях искусства была красота с художественной правдой» [22].

Одной из основных особенностей «чистого искусства» считается независимость от политических, общественных требований, воспитательных задач. «Если художнику приходится бороться со своим временем, то он достоин сожаления, но он достоин презрения, если старается быть угодным ему», – пишет Шеллинг [2; 83]. Суждение во многом проясняет творческую позицию К.Р. «Лезть с долгом гражданина в поэзию, это – с суконным рылом в пушной ряд», – непривычно резко заявляет он в полемике с Н.И. Стороженко [23].

Многими критиками указывается чрезмерное увлечение приверженцев «чистого искусства» художественной техникой. Для Шеллинга одинаково важны и техническая, и собственно «поэтическая» стороны творчества. «Только полное единение и взаимопроникновение <...> сознательной и бессознательной сил создают наивысшее в искусстве» [2; 60]. «Без серьезного труда, прилежания и обдумывания своих замыслов» художник «создает лишь мертвые произведения» [1; 477]. С другой стороны, «искусство остается для нас единственным и вечным откровением, чудом» [1; 476]. Поэтому истинный поэт «невольной придает своему творчеству... бездонную глубину», которую невозможно постигнуть кому-либо полностью [1; 477].

Показательно в данном случае признание К.Р.: «Мне так трудно придумать, что описывать стихами, но зато, когда найду **что**, пишу с увлечением. Но и тут не обходится без настойчивого

труда» [24]. В отзыве на стихотворения А.А. Семенова великий князь пишет, что только изучение лучших поэтов (Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Тютчева, А. Толстого, Фета) «даст <...> возможность черпать из глубокого и чистого источника ту живую воду, которая составляет сущность истинной поэзии» [25].

Вновь обратимся к дневнику К.Р.: «Невольно задаю себе вопрос, что же выражают мои стихи, какую мысль? И я принужден сам себе отвечать, что в них гораздо больше чувства, чем мысли. Ничего нового я в них не высказал, глубоких мыслей в них не найти...» [26] Ниже поэт выдвигает три основных требования к стихам: «мысль, чувство, красота» [27]. Обратим внимание: «мысль» отмечена в первую очередь. Возможно, именно высказывание Шеллинга «Тождество поэзии и искусности может быть лишь изначальным, <...> совершенство доступно лишь гению» [1; 477] заставляло великого князя критически оценивать свое творчество, делать весьма пессимистические прогнозы на будущее («Я сойду в могилу заурядным стихотворцем» [28]).

К.Р. считает, что поэзия «одна дарит созданию искусства его значение, жизнь и право на художественность, а стихотворение без поэзии едва ли имеет какой-нибудь смысл» [29]. «Если... способность владеть поэтической речью и возможно {приобрести}, то... умение сделаться поэтом – невероятно, ибо давно известно, что поэтом надо родиться, – сделаться же им нельзя» [30].

В полном соответствии с воззрениями немецкого идеалиста К.Р. описывает и сам процесс творчества: «Ночь навела новое стихотворение... Оно уже кончено, но я так рассеян и до того не в состоянии сосредоточиться, что даже за самого себя совестно. Но пусть и голова болит, пусть не спится – лишь бы осеняло меня вдохновение. Оно утомляет нравственно, но разве не стоит испытать этой маленькой неприятности за это счастье...» [31].

По Шеллингу, художник приступает к творчеству непроизвольно, даже преодолевая внутреннее противодействие. Завершается же оно чувством бесконечной гармонии и растроганностью, поскольку теперь природа освобождает его от страданий [1; 475-476]. У К.Р. читаем:

Поймете ль вы те чудные мгновенья,
Когда нисходит в душу вдохновенье,
И зародившись, новой песни звук
В ней пробуждает столько тайных мук
И столько неземного восхищенья?
Те приступы восторженной любви,
Тот сокровенный творчества недуг –
Поймете ль вы?... [1; 18]

Для поэта творчество – это, с одной стороны, «тайные муки», «недуг», с другой – «неземное восхищенье» и «приступы восторженной любви», разумеется, к Богу.

Шеллинг определяет вдохновение как «живое движение глубочайших внутренних духовных и душевных сил» [2; 83]. Сравним с признанием К.Р.: «Только в совершенно спокойном состоянии могу я хорошо молиться. Писание стихов приводит меня в волнение, так что когда найдет вдохновение, я не способен молиться. Самое вдохновение не есть ли возвышение души, равносильное молитве?» Поэтический экстаз у великого князя приобретает характер эпифанического откровения (от греч. *epiphaneia* – Богоявление).

Итак, влияние идей Шеллинга на мировоззрение К.Р. бесспорно. Но бесспорно и то, что укреплялись они на православной основе. Установка на религиозность искусства в данном случае первична. В ней почва, смысл и цель творчества. «Искушение эстетизмом» неминуемо должно было перерасти в религиозное понимание жизни. Для этого пришлось преодолеть пассивность восприятия, достигнуть напряжения воли. Выражение «священный подвиг певца» («Я баловень судьбы. Уж с колыбели...» [1; 36]) для

К.Р. не стандартная формула, не штамп, а выстраданная мифологема.

Тяга великого князя к «чистому искусству» объясняется тем, что между этим направлением и христианством много общего. Это признание: 1) существования трансцендентной действительности, обладающей вечным совершенством и первичной по отношению к материальному миру; 2) необходимости тщательного самоуглубления; 3) причастности божественному архетипу. Но если в первом случае наблюдается тяга к абстрактному и аналитическому, то для религиозного мышления типично конкретное, исторически динамичное. Общение с Богом носит более личностный характер.

Идеи для К.Р., в конечном счете, оказываются зависимыми от Бога, а значит на первое место по значимости ставятся непосредственные взаимоотношения человека с Творцом, основанные на любви и вере. Резко обозначаются грани между добром и злом. Постулируются абсолютные полномочия церкви и Священного Писания устанавливать окончательную истину. Способность к самостоятельному проникновению человека в смысл мироустройства – интеллектуальным и духовным путем – подвергается сомнению.

Список использованной литературы:

1. Матонина Э.Е. Баловень судьбы. Великий князь Константин Константинович в письмах и воспоминаниях // Новый мир. М., 1994. №4. С. 190-224; Матонина Э.Е. Драматург из дома Романовых // Театр. М., 1992. №12. С. 121-128; Матонина Э.Е. Загадка К.Р. // Роман-газета. М., 1994. №1. С. 5-14. и др.
2. Соболев В.С. Августейший президент: Великий князь Константин Константинович во главе императорской Академии наук. 1889-1915 годы. СПб.: Искусство, 1993. 182 с.
3. Лавров Н.Н. К 140-летию со дня рождения К.Р. // Русская литература. СПб., 1999. №1. С. 286-287.
4. Дубровский А.В. Чтения памяти К.Р. // Русская литература. СПб., 1996. №1. С. 266-267.
5. Муратов А.Б. Великий князь Константин Константинович // К.Р. Времена года. Избранное. СПб.: Северо-запад, 1994. С. 5-76.
6. Кузьмина Л.И. Августейший поэт К.Р. Стихи разных лет. Личность, творчество. СПб.: Искусство, 1995. С. 5-64.
7. Ковалева Т.В. Русский стих 80-90 гг. XIX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Алматы, 1993. 248 с.
8. Бердяев Н.А. Самопознание: (Опыт философской автобиографии). М.: СП «Дэм», 1996. 334 с. С.158.
9. К.Р. Из дневников // Москва. М., 1994. №№1, 2. №1. С.140.
10. Там же. С. 159.
11. Иоанн Златоуст. Беседы на книгу Бытия // Творения св. Иоанна Златоуста. СПб., 1896. Т. 4 (1). 345 с. [Репринт. Изд. СПб., 1994.] С. 47.
12. К.Р. Критические отзывы. Пг., 1915. 449 с. С.368.
13. К.Р. Отрывки из дневников / Вст. заметка и публ. С. Мироненко // Московский комсомолец. М., 1998. 6 дек., №233. С. 24-25. С. 24.
14. К.Р. Критические отзывы... С. 342.
15. Там же. С. 66.
16. Гречнев В.Я. Августейший поэт // Русская литература. СПб., 1997. №3. С. 200-202. С. 202.
17. Коровин В. Поэты «безвременья» // Литература. М., 1997. №38. С. 5-12. С. 5.
18. К.Р. Из дневников... №2. С. 154.
19. Там же. С. 141, 154.
20. Овсяннико-Куликовский Д.Н. История русской литературы XIX века. М.: МИРЪ, 1911. Т. 3. С. 96.
21. Фет А.А. Стихотворения Ф.И. Тютчева // Ф.И. Тютчев. «О вещая душа моя...» Стихотворения. Переводы. Размышления о поэте. М.: Школа-Пресс, 1995. С. 277.
22. К.Р. Из дневников... №1. С. 137-138.
23. Соболев В.С. Августейший президент... С. 116.
24. К.Р. Из дневников... №1. С. 137.
25. К.Р. Критические отзывы... С. 148.
26. К.Р. Из дневников... №1. С. 130.
27. Там же. №2. С. 171.
28. Там же. №1. С. 130.
29. К.Р. Критические отзывы... С. 46.
30. Там же. С. 161.
31. К.Р. Из дневников... №1. С. 132.
32. Там же. №1. С. 134.